

А. П. Марков¹«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
СМЕНА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МАТРИЦ

Нервом публикаций и научных конференций последнего времени становится осознание тревожного факта: мир переживает «минуты роковые» — приближающийся пик глобального кризиса по своим масштабам и последствиям превосходит «осевое время» в истории человеческой цивилизации². Европейский кризис — авангардная часть общемирового кризиса, в котором вектор экспансии катастроф проявляется более остро.

В сложившемся социально-психологическом и духовном контексте утрачивают реалистичность «проекты спасения», выработанные в системе позитивистского знания, при этом все большие возможности для осмысления происходящего и понимания перспектив грядущего обнаруживает дискурс религиозного характера и эзотерической традиции, сочетающий рациональные аргументы и иррациональные способы проникновения в логику метаистории (вроде «Откровения святого Иоанна Богослова»). И это закономерно — если эпохам линейного исторического развития соответствовал рационалистический метод познания, то понимание времени катастроф требует иной методологии. Понять весь трагизм переживаемого момента мешает «исторический оптимизм» человека эпохи модерна — вера в прогресс, неизбежность существования привычного мира³. Глобальную катастрофу приближают не только объективные факторы, но и катастрофическое сознание — массовые апокалиптические настроения, которые провоцирует «комплекс катастрофофилии» (предшествующий, как правило, мировым потрясениям — А. Назаретян). «К перспективе гибели своей культурной системы человек во все времена адаптирован плохо. Здесь ужас не физический, а ме-

тафизический. <...> Слишком велика психологическая и экзистенциальная привязанность к своей культуре. Но чашу сию испить придется»⁴. Действительно, национальная (родная) культура для человека — как родительский дом, в котором происходит не только первое, но и второе, главное по своей сущности — метафизическое — рождение личности (Н. Бердяев). Этот дом обеспечивает первичную социализацию и межпоколенческую трансляцию социально-культурного опыта, дает уроки любви, добра и понимания, рождает чувство защищенности, которое помогает человеку пережить удары судьбы. «Культура на уровне глубинных психологических установок блокирует осознание своей смертности в историческом времени, отвечая на смутную метафизическую тревогу человека разнообразными формулами вроде “все будет хорошо”, “все наладится”, “все вернется на круги своя” и т. д. Внушения эти столь сильны, что даже мысль о собственной смерти для человека более переносима, чем мысль о смерти культуры, которую он гонит от себя всеми силами и, как правило, ценой потери адекватного восприятия действительности»⁵.

Особенно актуально проблематика кризиса европейской цивилизации звучит в гуманитарных текстах последнего времени, которые становятся своеобразными пророчествами о конце истории. Все большую популярность приобретают идеи и практики негативного антропологизма, набирает обороты постмодернистский дискурс, пронизанный энергиями негативизма и пессимизма. В современном гуманитарном дискурсе доминируют пафос тревоги, негативизм, растерянность или воинствующий нигилизм (типичными для философского дискурса стали метафорические конструкции, фиксирующие антропологический кризис, кризис самоидентичности, экзистенциальный вакуум, исчерпанность энергий, «ситуацию Освенцима»). Центральная мысль такого рода прогнозов — современная европейская цивилизация вступает в новый этап — эпоху *постмодерна*, которая по ключевым характеристикам отвергает предыдущую эпоху модерна.

На наш взгляд, этот прогноз не в полной мере отражает весь спектр и глубину надвигающихся перемен. Дело в том, что линейная методология анализа (и соответствующее мышление, которое каждый следующий этап рассматривает как отрицание или развитие предыдущего) в данном случае не объясняет сути всего происходящего. По совокупности глобальных тенденций и процессов общецивилизационного характера можно утверждать, что мир вступает (точнее, возвращается) в ту культурную эпоху, которую человечество трудно и мучительно преодолевало примерно 2–3 тысячи лет назад. Это был тот исторический период (К. Ясперс на-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 150 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба “русской цивилизации”», «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования» и др.

² О нарастании угрожающих существованию человечества тенденций свидетельствуют: экспансия терроризма и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке; новый этап холодной войны Запада с Россией; «великое» переселение народов и провал политики мультикультурализма; кризис политической и экономической интеграции в рамках ЕС, усиливающий экономическое неравенство общеевропейского рынка и отодвигающий на периферию страны Юго-Восточной и Центральной Европы; ослабление национальных государств; кризис либеральной демократии.

³ С другой стороны, гуманитарное знание эпохи «духовных революций» становится не только средством познания мира, но и способом конструирования действительности — создаваемые в пространстве гуманитарной мысли образы мира и проекты его улучшения превращаются в «самосбывающиеся пророчества».

⁴ Пелипенко А. А. Русская матрица: последний путь // Острог : альманах. 2017. Февр. С. 5. URL: https://vk.com/doc354704131_441745887

⁵ Там же. С. 6.

звал его «осевым временем»), когда выдающиеся мыслители (древнегреческие философы, поэты, библейские пророки) смогли провести фундаментальную метафизическую революцию в сознании человека: они бросили вызов погрязшему в заблуждениях нечестивому и неразумному языческому миру; осуществили разрыв сущего и должного, показывая греховность и несовершенство человека и мира, который нуждается в преобразении. «Осевое время» в глобальном масштабе формирует культурную матрицу, которая по отношению к миру язычества выступает как антисистема — «осознавая порочность самой онтологии», она стремится ее взорвать, «революционно исправить»¹. Выдающиеся религиозные и этические доктрины того времени девальвировали архаическое сознание, утвердив культ Логоса (слова, книги), который становится главным орудием борьбы с языческим хаосом. Великим достижением «осевого времени» становится утверждение в структуре ментальности принципов рационализма, которые впоследствии были положены в основу мыслительных техник на базе формализуемых правил, развития рефлексии как способа самопроверки правильности мысли, обращенной не только на процесс мышления (логика), но и на его результаты в слове (поэтика, риторика).

Великие философы и пророки «осевого времени» своими текстами и проповедями сформировали духовные контуры человека — тот «неделимый атом», который более двух тысяч лет обеспечивал устойчивость мира и «вертикальную» устремленность человека к небу. Вышедший из древних цивилизаций мир — другой. Человек впервые начинает осознавать масштабы бытия, понимать себя и свои границы, трансцендентные миры и глубины самосознания, теперь он способен различать добро и зло, рассматривая эти энергии как проекцию в земное измерение универсальных антиподов мира — Бога и дьявола. Возникает феномен обращения в религиозную веру или философскую доктрину, с вытекающими отсюда жизненными смыслами и нормами поведения. Религиозная мораль обретает личностный характер — человеку впервые предоставлена великая свобода выбора смысла бытия в сфере духа, которая дает ему шанс выбраться из «оков рода».

Сегодня мы являемся свидетелями почти мистической неизбежности эволюционной «спирали», когда отвергнутое возвращает свои права, а победители терпят поражение. Иными словами, логоцентрическая «культура пророков», которая в далекие времена совершила метафизическую революцию и отвергла «культуру жрецов»², сегодня системно исчерпала свой потенциал (прежде всего в духовной сфере и предметном творчестве). Образовавшийся на ее месте метафизический вакуум притягивает «культуру жрецов», мощная жизне-

¹ «Отличие духа от реальности заключается в том, что «дух несет в себе мысль об ином». Иное — это то, что не переживается (в отличие от реальности), что дано в нулевом опыте. Таким образом, дух в своей сущности ориентируется на внереальность» (см.: Джемаль Г. Ориентация — Север. URL: http://www.metakultura.ru/vgora/nord/nord_1.htm).

² Концепцию дихотомии двух метафизик в истории человечества обосновал Гейдар Джемаль (см.: Жаринов С. Глашатай радикально иного. URL: <http://poistine.org/qlashatay-radikalno-inogo>).

утверждающая стихия которой тысячелетиями ждала своего часа. Язычество — это своеобразный Космос, который упорядочивался гармонией отношений человека и природы, инстинктом сохранения заданной онтологии, с ее порядком и иерархией, естественной религией и традицией, мифом и ритуалом (Г. Джемаль), формами и способами интуитивного постижения законов макро- и микромира³.

Маятникообразная смена антропокультурных матриц в большом историческом времени обусловлена феноменом «культурно-полевой индукции», выступающей «незримым каналом» хранения и трансляции «квинтэссенции исторического опыта» человечества (А. А. Пелипенко). В ситуации «инволюционных откатов» доминирующие культурные программы начинают терять свой энергетический потенциал и становятся неактуальными, невостребованными. Но не исчезают полностью с драматической арены истории — под давлением возрождающихся матриц конкурирующей системы они оттесняются, уходят в «тень коллективного подсознания» и ждут там своего времени. В основе механизмов востребованности иных культурных парадигм ведущую роль играют ментальные матрицы субъекта культуры: испускаемые из «полевого пространства культуры» интенции (импульсы) здесь могут быть «считаны» структурами определенного онтологического порядка и уровня сложности принимающих устройств и настроек. В пространстве «здесь и теперь» опредмечиваются (эксплицируются) лишь те потенциальные характеристики феномена, которые релевантны онтологической природе «агента связи» — их оживление происходит в результате резонанса с интенционально-эмпатическим импульсом вызова⁴. Воистину: «Зови, зови ночную тьму, и тьма придет» (В. Шаламов) — мы способны вызвать из потенциального мира лишь то, что соответствует экзистенциальным пластам нашей ментальности и природе нашего доминирующего мировосприятия (добро зовет добро, любовь к миру и людям возвращается увеличенной энергией любви, а ненависть и зло способны вызвать лишь аналогичные энергии).

Сегодня, как и во времена Ветхого Завета, мир переживает *теогонический* период: смену цивилизационной парадигмы. Прежняя историко-культурная модель исчерпала себя, и эта исчерпанность переживается (и в гуманитарном знании, и в массовом сознании) как духовный кризис, «метафизическая пустота» (О. Шпенглер). Основным свидетельством кризиса полуторатысячелетнего европейского мира является острота проблем культурно-антропологического характера. Гуманитарное знание фиксирует как минимум пять проблемных зон: угроза национальным культурам как ценностно-нормативным системам, упорядочивающим жизнь человека и общества; деформация культурно-антропологических матриц, сформированных на базе христианских ценностей; глубинный

³ Не случайно многие художники и мыслители XX века проявляли очевидный интерес к эзотерическим учениям, пытались постичь мудрость Востока, смысл религиозных и мифологических образов, понять истоки и природу астрологии и алхимии.

⁴ Пелипенко А. А. Психосфера // Семь искусств. 2011. № 1. URL: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer1/Pelipenko1.php>

кризис национально-культурной идентичности; экспансия языческих стихий, энергий и практик; деформация фундаментальных смысловых ключевых концептов, формирующих интеллектуальное европейское пространство. Базовые причины духовной агонии европейского мира связаны с утратой системообразующего статуса христианской антропологии, которая традиционно определяла ценностное и смысловое пространство европейской культуры, обеспечивая духовные приоритеты личностного развития и основания солидарности этносов. Серьезные вызовы настоящему и будущему европейской культуры исходят из глубинного кризиса национально-культурной идентичности. В антропологической плоскости сущность кризиса состоит в разрушении той неделимой субстанции, которая определяла историческую устойчивость культуры и вектор развития «антропоса» как существа, стремящегося к небу, в сферу духа.

О глубинном кризисе духовных оснований европейской культуры свидетельствует деформация фундаментальных смысловых концептов, ранее обеспечивающих целостность интеллектуального европейского пространства. Перед лицом серьезных вызовов оказался идеал гуманизма, претерпевающий значительные деформации в контексте европейской культуры, вытесняемый постмодернистскими проектами человека и активно утверждающими себя идеями трансгуманизма. В новых акцентах нуждается трактовка свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала. Ученые говорят о необходимости осмысления и утверждения в рамках гуманитарного знания образа человека, соответствующего сегодняшним реалиям (В. А. Лекторский). Глобальной экзистенциальной проблемой последнего времени становится дефицит жизненных смыслов. Все это свидетельствует об исчерпанности проекта модерна и трансформации европейской культуры в новую фазу постмодерна.

Экспансия языческих цивилизационных матриц в границах европейского мира сопровождается коренной ломкой основополагающих атрибутов бытия человека и общества: меняются картина мира, этический идеал, смыслообразующие сценарии, критерии идентичности, представления о добре и зле, сущем и должном. На фоне «смены знака» ключевых ментальных характеристик и мировоззренческих доминант происходит расширение пространства аффективных энергий и зоны проявления архаического сознания. Расширяется социальная база любителей магических практик и мистических верований, которые в те далекие времена составляли репертуар жрецов. Усиливаются этнокультурные тенденции — как мрачный прообраз тотальной включенности древнего человека в структуру рода, исключая свободный выбор иных критериев идентичности.

Утверждение культурной модели неоязычества в ее окончательном варианте требует инверсии культурных оснований, в том числе предполагает реабилитацию (и соответствующую культурную легитимацию) божественного пантеона древнего человека. Этот процесс в недрах европейской культуры наблюдается уже несколько веков: история (особенно на-

чина с эпохи Нового времени) изобилует примерами культурной «реабилитации» демонических фигур язычества: Аполлона, Диониса, Гелиоса, Люцифера, Гермеса, Меркурия и т. д. Период утверждения христианской матрицы в Европе сопровождался всплеском антисистем — религиозных сект преимущественно сатанинского характера¹.

Новоязыческая антропология эпохи постмодерна, с ее романтикой аморализма и демонстративным поруганием нравственных табу, разрушая духовно-нравственную матрицу европейской культуры, делает неизбежным общецивилизационный крах. Не случайно глобальный проект формирования нового язычника символически обозначается *антропологической этаназией* европейской культуры. Опасность язычества состоит в способности его мировоззренческой и ритуальной составляющих растлевать человеческие души и развращать человеческие сердца. Репрессированные двумя тысячелетиями торжества «культуры пророков» и загнанные в «подвал» языческие энергии сегодня врываются в культуру вне своего мистического контекста, который придавал им высший смысл как способу общения с богами. В результате «духовной порчи» адаптированных языческих практик человек погружается в низшие круги бытия, лишаясь мотивации и энергии продвижения вверх по ступеням духовного восхождения. Духовная атмосфера язычества провоцирует худшие человеческие качества и энергии: алчность, зависть, агрессивность, мстительность². В публичном пространстве современной массовой культуры кумирами становятся личности, обеспечившие свое материальное благополучие и социальный статус откровенным аморализмом и распущенностью (в некотором смысле напоминающей образ жизни «избранных злодеев» в обществах Древнего мира). Разгул языческих стихий на пространстве европейской культуры становится условием для реставрации нацистской идеологии, которая становится естественным ответом западноевропейской цивилизации на агонию культуры эпохи постмодерна (и в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещая утраченные основания национально-культурной солидарности). Трагический опыт XX века показывает, что природа, почва, факт рождения неустраимы и непреодолимы — они

¹ В частности, в пространстве европейской культуры действовали известные антисистемы офитов и гностиков (эти секты сформировались в Древнем мире еще во времена язычества — в зоне контакта Ветхого Завета и эллинистической мифологии). Офиты (змеепоклонники) утверждали культ знаний и Сатаны как их источника в противоположность библейскому Богу, который устами пророка провозгласил другую истину: «Во многом знании много печали», поэтому познание «приумножает скорбь». Культ тайных знаний был характерен и для гностиков (от *греч.* гносис — знание; гностик — знающий или стремящийся к знанию).

² Образом-метафорой сегодняшнего периода служит шекспировский Гамлет, переживающий глубинную расколотость сознания между зовом вырождающегося рода и требованием христианского духа, между духом прошлого и рождающейся новой правдой, неизбежностью языческого отмщения и христианского прощения. «Порвалась дней связующая нить. / Как мне обрывки их соединить!» (пер. Б. Пастернак). «Век вывихнут. О злобный жребий мой! / Век вправить должен я своей рукой» (пер. А. Радлова). Все эти формулы фиксируют обрыв традиции в области морали, катастрофическое переживание резкого перелома, катаклизма.

ждут своего часа, «взрываясь» в ситуации кризиса идентичности.

Западноевропейская цивилизация прошла длительный и драматичный путь возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода — к духу, идее, всеобщему. Сегодняшняя тенденция возврата к идентичности по критериям «почвы и крови» свидетельствует об очевидной регрессии западного мира. При этом выпадение из «корневой системы» на уровне обыденного сознания не воспринимается как катастрофа или даже проблема: нарастающая экзистенциальная пустота современного человека нуждается в переменах, с которыми связываются надежды на обретение новых смыслов и иллюзий.

Утверждению язычества, которое происходит в борьбе с христианской традицией, предшествовала непродолжительная и длительная эпоха торжествующего хаоса — и внешнего, и внутреннего, который способствовал распаду человеческой души. Сегодняшний этап европейского постмодерна — последняя стадия распада традиции и социально-культурных институтов модерна — завершающей фазы «культуры пророков».

Российская цивилизация на поле «вселенской битвы» двух антропокультурных матриц пока на стороне традиций христианского Логоса, который, как отмечал Флоренский, является ключевым условием противостояния хаосу. Мыслитель рассматривал всемирную историю в эсхатологическом ракурсе — как поле битвы, на котором сражаются два противоположных космических начала: *Логос* и *хаос*. Культура в этой борьбе предстает как специфически человеческое выражение *Логоса*, противодействующего силам «мирового уравнивания» и смерти¹. Драматизм сегодняшней ситуации усиливает тотальная несовместимость (и даже непримиримость) метафизических ориентаций противостоящих антропологий Логоса и хаоса: лежащих в их основе мировоззрений, областей сакрального, духовных референтов, смыслообразующих сценариев и т. д. Европейская цивилизация на несколько столетий раньше погрузилась в стихию язычества (начиная с эпохи Возрождения), поэтому вражда и непримиримость западной элиты по отношению к «русскому миру» носят глубокий, метафизический (и в значительной

степени религиозный, мистический) характер. Длительная битва антропокультурных матриц исключает возможность компромисса. Модификация христианской антропологии стала результатом многовекового действия в пространстве западноевропейской культуры гуманитарных стихий, оппонирующих христианским энергиям справедливости, милосердия, добра, истины.

У России есть шанс выйти из катастрофического для европейской культуры исторического тренда — оставаться в границах исторически оправданного и выстраданного народом духовного пространства русской цивилизации (и по возможности не участвовать в тех инициативах и проектах западного мира, которые олицетворяют агонию христианского духа европейской культуры)². Культурно-антропологическое измерение современного кризиса, проявляющееся в глубинной трансформации цивилизационных матриц, позволяет охарактеризовать подлинные гуманитарные масштабы надвигающейся катастрофы и разработать методологию выработки мер предупреждающего характера. Трансграничные вызовы и угрозы духовной безопасности требуют не только консолидированных усилий государственных институтов, но и высокого уровня национальной идентичности граждан, они придают возрастающую значимость приоритету духовно-нравственной составляющей в разработке сценариев минимизации глобальных проблем.

Фундаментальные вызовы времени, продиктованные сменой цивилизационной парадигмы, требуют адекватного ответа, условием которого является системное понимание сущности русской цивилизации (ее души, ментального склада, национальной идеи) как субъекта мировой истории, в поток которой она включена. Отечественная гуманитарная мысль всегда пыталась «кликнуть» человека словом, помогая ему вернуться к себе и миру «своим главным, сущностным, своей просветленной стороной, лицом, озаренным сердечным светом», пробуждая в нем духовность, которая направляет человека за горизонты человеческого бытия. Лишь в таком движении ввысь человек может осуществить себя в главном и оправдать свое имя — как чело, обращенное к вечности.

¹ Культура как способ борьбы Логоса с хаосом «есть сознательная борьба с мировым уравниванием», ее миссия состоит в «задержке уравнительного процесса Вселенной, повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству — смерти» (см.: *Флоренский П.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 1. С. 39).

² В частности, губительным фактором, убивающим душу России последних десятилетий, стало нравственное падение народа в результате бездумных (а по сути, преступных) попыток войти в чужой для нас в ментальном и духовном смыслах «европейский дом».